

Однако Лян Каншэн, стоявший напротив, ясно видел, что в маленьких глазах старухи Цюй не было ни капли слёз, только переполняющие её злоба и расчёт.

Хотя старуха Цюй теперь считалась его старшей родственницей, её поступки не позволяли ему относиться к ней как к таковой. Он отвёл взгляд в сторону.

Соседи из деревни Цюйцзя, видя, как горько плачут Цюй И и госпожа Мэн, начали сочувствовать им.

Но ситуация внезапно изменилась: старуха Цюй тоже начала рыдать, и многие изменили своё мнение, решив, что, возможно, Цюй Сыню и его семья не проявляют должного уважения к старшим. Некоторые пожилые женщины, ровесницы старухи Цюй, вспомнили о себе и стали смотреть на Цюй Сыню с неодобрением.

Нельзя отрицать, что плач, крики и угрозы самоубийством часто являются самым эффективным способом вызвать сочувствие или устроить скандал. Ведь для некоторых людей логика и доводы ничего не значат по сравнению с парой слёз.

К счастью, присутствующие здесь не слишком заботились о мнении окружающих, а молодые люди из большого дома Мэн, конечно же, поддерживали Цюй Сыню и госпожу Мэн. Поэтому, как бы старуха Цюй ни плакала, это не помогало.

Таким образом, Цюй Сыню холодно наблюдал, как его мать рыдает и ругается. Он уже не мог вспомнить, сколько раз она плакала с тех пор, как он женился на Хуэйнян: чтобы они переехали в деревню Цюйцзя, чтобы он брал подработки втайне от мастера, чтобы он отдавал заработанные деньги...

Каждый раз это истощало его и без того скудную привязанность к родителям. Все эти годы, из уважения к кровным узам, он не устраивал скандалов, пока родители не переходили границы и не заставляли Хуэйнян и их детей страдать.

Но на этот раз мать переступила черту. В их отсутствие их ребёнка так обращались, что это вызывало ужас.

Старуха Цюй плакала, но постепенно начала ощущать что-то неладное. Она отодвинула платок и оглядела окружающих.

Цюй Сыню, конечно, с самого вечера не показывал ни капли доброжелательности. Цюй Эрню и его супруг куда-то исчезли. Люди из семьи Лян холодно наблюдали, а молодые люди из большого дома Мэн смотрели на неё с ненавистью.

Сердце старухи Цюй дрогнуло. Ей казалось, что она одна бродит по глухому лесу, где на каждом шагу подстерегает опасность. Она опустила платок и закричала:

— Эй, люди! Где все из деревни Цюйцзя? Старуху обижают чужаки! Неужели в семье Цюй больше никого нет?

Жить в деревне, где все связаны родственными узами, имело свои преимущества. Как только старуха Цюй закричала, многие сразу же вышли из своих домов.

Эти люди из семьи Цюй были разного возраста: старые и молодые, мужчины, женщины и сыновья. Но их объединяло одно: они явно противостояли молодым людям из большого дома Мэн.

Неважно, кто прав или виноват в этой ситуации, чужаки не могли обижать их людей в деревне Цюйцзя. В этом была уверенность старухи Цюй.

Точно так же её крики разозлили молодых людей из семьи Мэн, которые изначально не собирались драться. Молодёжь всегда горяча, и теперь они действительно разозлились на этих людей из семьи Цюй и хотели броситься в бой.

Цюй И, выплакавшись на груди у госпожи Мэн, теперь успокоился. Видя, как накаляется атмосфера между людьми из деревни Цюйцзя и большого дома Мэн, он начал беспокоиться, что эти две семьи действительно начнут драться.

Подумав немного, Цюй И, успокоившийся вместе с госпожой Мэн, подошёл к Цюй Сыню и мягко остановил его, попросив немного подождать.

Затем Цюй И откашлялся и обратился ко всем:

— Сегодняшний инцидент — это лишь моя личная просьба к семье Цюй объяснить моё приданое. Это семейное дело, и я прошу всех не вовлекать в это две семьи, чтобы не создавать лишних проблем.

— Уверен, старейшины семьи Цюй уже слышали: моя семья Лян дала семье Цюй щедрые свадебные подарки, а я вчера вышел замуж, взяв с собой лишь два одеяла. Ни с точки зрения чувств, ни с точки зрения приличия такое приданое неприемлемо.

— Я не требую, чтобы моя родная семья готовила мне богатое приданое, но приданое — это лицо вышедшего замуж сына, лицо семьи Цюй и лицо деревни Цюйцзя. Если люди узнают, что в нашей деревне так обращаются с теми, кто выходит замуж, кто ещё захочет жениться на наших сыновьях или дочерях?

— И ещё, братья и дяди из семьи Мэн, спасибо, что пришли поддержать моих родителей. Пожалуйста, успокойтесь. Мы все люди воспитанные, давайте сначала поговорим, а не будем драться.

Лян Каншэн, наблюдая за Цюй И, который смело говорил перед всеми, почувствовал, как его сердце забилось быстрее. В этот момент его супруг казался ему сияющим в солнечном свете.

Что касается Цюй Сыню, то, успокоившись, он слегка нахмурился. Он знал своего ребёнка: как Цюй И мог произнести такую речь? Он с недоумением посмотрел на госпожу Мэн.

Госпожа Мэн слегка покачала головой. Она не рассказывала Цюй И об этом раньше, так как он ещё не был помолвлен.

Взгляды супругов одновременно упали на нового зятя, которого они раньше не замечали. Увидев, как Лян Каншэн смотрит на Цюй И с восхищением, их сердца сжались.

Лян Каншэн почувствовал на себе два необычных взгляда и, заметив, что это его тёща и тесть смотрят на него с оценкой и недовольством, почувствовал горечь во рту. Он вспомнил, сколько усилий ему пришлось приложить в прошлой жизни, чтобы заслужить их одобрение, и его улыбка слегка дрогнула.

Цюй Сыню и госпожа Мэн быстро отвели взгляд. С тех пор, как они узнали об этой свадьбе, они беспокоились, что Цюй И будут обижать в семье Лян, а теперь ещё и боялись, что его «испортят».

Со стороны казалось, что Цюй И справился с ситуацией с достоинством и логикой, выглядев уже как зрелый супруг, способный самостоятельно решать проблемы.

Но для них, родителей, Цюй И вынужденно повзрослел, словно за одну ночь стал на несколько лет старше.

Как родители, Цюй Сыню и госпожа Мэн хотели, чтобы Цюй И женился на обычном человеке и жил спокойной жизнью, не беспокоясь о разных вещах и не стремясь стать «выше других».

Пока Лян Каншэн и его тёща с тестем молча смотрели друг на друга, молодые люди из семьи Мэн и жители деревни Цюйцзя размышляли над словами Цюй И. Постепенно напряжённость между ними начала спадать.

Старуха Цюй, видя, что её попытка разжечь конфликт провалилась, посмотрела на Цюй И с ещё большей ненавистью. Если бы могла, она бы бросилась к нему и дала пару пощёчин, чтобы выпустить злость. Но между ними стоял Лян Додао, и она ничего не могла сделать.

Цюй И не обращал внимания на отношение старухи Цюй. В прошлой жизни он слишком беспокоился о своих родителях и брате, поэтому боялся сопротивляться.

Медленно доставая из кармана красный лист бумаги, Цюй И посмотрел на старуху Цюй:

— Бабушка, это список свадебных подарков от семьи Лян. Хочешь, чтобы я зачитал его здесь, перед всеми, или мы разберёмся с этим внутри дома?

Старуха Цюй, видя равнодушные взгляды окружающих, сжала зубы и, глядя на госпожу Мэн, бросила Цюй И:

— Вышедший замуж сын — это как выплеснутая вода. Зачем ты возвращаешься в родной дом и устраиваешь скандал? Я сказала, что не дам повозку и не пущу в дом, так что ты, Лян Цюйши, не переступишь порог моего дома!

Она была уверена: Цюй И уже замужем, а госпожа Мэн осталась в семье Цюй, как и Цюй Цзян. Она, старуха, съела больше соли, чем Цюй И риса, и не позволит какому-то молокососу диктовать ей условия!

— Ну что ж, тогда ладно.

Цюй И развернул красный лист и начал просматривать список подарков от семьи Лян.

Но, собираясь начать читать, он вдруг вспомнил, что сейчас он якобы не умеет читать. Он ненадолго замер, а затем естественно протянул лист Лян Каншэну:

— Муж, прочти, пожалуйста.

<http://bllate.org/book/16698/1533366>